

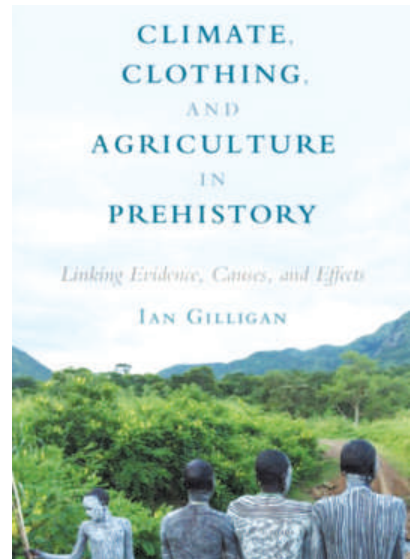
Я. В. Кузьмин

Древнейшая история одежды: первый опыт глобального обобщения

(Gilligan I. *Climate, clothing and agriculture in prehistory: linking evidence, causes, and effects.*
New York: Cambridge University Press, 2019. 326 p.)

Монография И. Гиллигэна является по сути первой сводкой по истории возникновения одежды и её развития в древности — от позднего палеолита до появления неолитических поселений, с экскурсами в ранний и средний палеолит. Книга состоит из 17 глав, объединённых в пять разделов. Издание проиллюстрировано более чем 100 рисунками, фотографиями и картами; список литературы насчитывает 840 названий. Вслед за текстом располагаются примечания, занимающие 36 страниц и содержащие детальные комментарии и дополнения к обсуждаемым в основных главах темам.

В первом разделе (глава 1) даётся вводная информация, поясняется значение некоторых терминов, определяется понятие «одежда». Главными темами книги являются происхождение двух феноменов — одежды и земледелия; связывает их процесс климатических изменений в течение последних 30–40 тыс. лет. Автор выделяет не одну «земледельческую революцию», а две — в экономике (пища) и одежде (текстиль). Климатический фактор — температуру — автор считает даже более важным, чем пищу (с. 6), поскольку он воздействует не только на живые существа, но и на всю географическую оболочку Земли. Появление одежды связано, прежде всего, с решением проблемы изоляции тела людей от холода в ледниковую эпоху. Автор определяет одежду как «вещи, надеваемые для прикрытия тела» (с. 18).

Приводится ряд этнографических свидетельств того, что даже не в самых тёплых регионах — например, в Австралии, Тасмании, на Огненной Земле — в XVIII–XIX вв. аборигены практически не носили одежду. В отношении австралийских аборигенов указывается, что они в прохладных условиях обладают свойством замедления метаболизма, в отличие от европейцев, у которых скорость метаболизма в такой ситуации увеличивается (с. 54–55). Это является специфической адаптацией коренного населения Австралии к колебаниям температуры. Очевидно, что в ряде случаев охотники-собиратели не слишком нуждались в одежде, тогда как в земледельческих сообществах производство тканей было важнейшей частью жизни.

Во втором разделе (главы 2–8) характеризуются самые ранние свидетельства изготовления одежды. Автор выделяет три категории теорий о её происхождении: 1) физическая (защита от холода, насекомых и др.); 2) психологическая (украшение тела, стыд перед наготой, защита от злых духов); 3) социальная (статус индивида, предмет роскоши в сложных обществах). Что касается археологических свидетельств происхождения одежды, то наиболее надёжными, по И. Гиллигэну, являются следующие категории артефактов: 1) иголки с ушками для шитья, 2) ножевидные пластины и скребки для разделки и обработки шкур. Одни из самых ранних прямых свидетельств наличия у древних людей одежды — фигурки со знаками, изображающими одежду типа малицы, в частности, со стоянок Мальтá и Буреть в Сибири, датированных около 27–31 тыс. л. н. (здесь и далее — календарных лет назад) и относящихся к максимуму последнего оледенения.

Указывается, что проблема с изоляцией от воздуха начинается уже при температуре ниже +27 °С, а при +13 °С раздетый человек (даже в отсутствие ветра!) начинает дрожать от холода (с. 47). В таком случае в одежде сегодня нуждается население практически всей Евразии (кроме Индостана, Юго-Восточной Азии и юга Аравии) и большей части Африки (кроме центральной части) (с. 41).

Автор выделяет два типа древнейшей (палеолитической) одежды — простую и сложную. Первая представляла собой звериные шкуры, которые люди просто носили на плечах или обматывали вокруг тела. Эффективность такой одежды в плане изоляции от холода невелика, особенно при наличии ветра. Сложная одежда, состоявшая из скроенных и сшитых вместе нескольких кусков шкуры, требовала для своего изготовления не только скребков (которых было достаточно для подготовки простой одежды), но и ножевидных пластин, проколов и иголок с ушками (с. 65). Указывается на наличие пластин и скребков на стоянке Кесем в Леванте, датированной периодом около 240–300 тыс. л. н. (с. 72). Однако из этого не следует, что обитатели стоянки в нижнем палеолите могли изготавливать сложную одежду. Это стало доступно только позднепалеолитическим людям, «вооружённым» проколками и иголками с ушками (см. ниже).

Время появления артефактов, необходимых для изготовления сложной одежды, часто является предметом дискуссий. Так, автор упоминает о стоянке Шуйдунгоу 1 в Китае, на которой известны пластины возрастом около 40 тыс. л. н. (с. 76). К этой дате нужно относиться с осторожностью, поскольку хронология Шуйдунгоу всё ещё не определена с достаточной степенью надёжности (см. Keates, Kuzmin 2015), что признали и авторы раскопок (см. Li et al. 2015).

Ещё более сложен вопрос с определением времени появления иголок с ушками, совершенно необходимых для производства сложной одежды, хорошо защищающей от холодов — в том числе «нижнего белья» в палеолитиче-

ском смысле, как об этом свидетельствуют материалы Сунгирия (с. 91). Недавно опубликован обзор по данной теме (d'Errico et al. 2018); также в деталях охарактеризована костяная индустрия Янской стоянки, включая иголки с ушками (Питулько, Павлова 2019). Наиболее надёжные данные (см. ниже) говорят о появлении иголок с ушками в Евразии около 37–40 тыс. л. н. — сначала на Кавказе, затем в Восточной Европе и Сибири, и лишь после этого в Китае и Западной Европе (см. также: Kuzmin 2008: 206).

В отношении древнейших иголок с ушками в Китае нужно отметить следующее. находка из слоя 2 стоянки Шуйдунгоу (с. 76) в полном виде не опубликована (см. Li et al. 2019: 132), а хронология этого объекта пока ненадёжна (Keates, Kuzmin 2015). На стоянке Сизитан возраст слоя с небольшим фрагментом иголки с ушком составляет 23 700–25 900 л. н. (Song et al. 2016). Иголка с ушком, найденная в пещере Сяогушань, возможно, имеет возраст около 37 000 л. н. (см. Zhang et al. 2010), хотя хронология этого объекта изобилует инверсиями ¹⁴C дат, когда вышележащий слой древнее, чем нижележащий. Автор принимает интервал от 30 тыс. до 20 тыс. л. н. (с. 76–77), что является консервативной и, вероятно, наиболее достоверной оценкой возраста.

Что касается Сибири и Восточной Европы, то следует отметить, что вопрос о возрасте иглы из Денисовой пещеры остается открытым. Авторы раскопок предполагают для этой находки дату около 50 тыс. л. н. на основании корреляции слоя 11.2 центрального зала пещеры, где найден артефакт, со слоем 11.2 восточной галереи (см. Деревянко и др. 2016: 74). Признать такой шаг приемлемым мешает высокая степень нарушенности культурных слоёв, на что указывают результаты тафономических исследований (Turner et al. 2013) и инверсии в ¹⁴C датах (см. Douka et al. 2019, Supplementary Information, Table S2). Корреляция слоя 11.2 центрального зала с таковым восточной галереи невозможна ещё и потому, что эти части пещеры не связаны между собой стратиграфически (см. Jacobs et al. 2019: 595). Самые последние данные по хронологии слоя 11.2 центрального зала Денисовой пещеры свидетельствуют о возрасте около 38 100–38 900 л. н. (Douka et al. 2019). Для Костёнок 15 И. Гиллигэн указывает дату около 35 тыс. л. н. (с. 77), но наилучшая оценка возраста слоя с иголкой по корреляции со слоем II Костёнок 8 (см. Рогачев, Синицын 1982: 162) — не древнее 31 800 л. н. (Аникович 2005).

Наиболее надёжными для Восточной Европы, Кавказа и Сибири, на мой взгляд, являются данные по Мезмайской пещере, где иголки с ушками датированы периодом около 40 400–35 900 л. н. (Golovanova et al. 2010); при этом большинство дат не выходит за пределы 37 200 л. н.

Прослеживая историю создания простой одежды, автор подчёркивает, что скребки широко представлены в комплексах ранних этапов палеолита — например, в Чжоукоудяне (Китай), датированном около 800 тыс. л. н., и на ряде стоянок Европы возрастом около 500 тыс. лет (с. 81–82). Подчёркивается, что на стоянках, расположенных в тропиках, количество скребков минимально или они вообще отсутствуют. Опираясь на новейшие данные о заселении северных регионов Евразии (с. 86), появление сложной одежды автор относит к позднему палеолиту, вскоре после 45 тыс. л. н. С этим важным выводом можно полностью согласиться.

Источником важнейшей информации о ранней сложной одежде является стоянка Сунгирь в центре Русской равнины (с. 92–93). Уже около 30 тыс. л. н. (см. анализ: Kuzmin 2019) обитатели стоянки могли создавать двухслойную одежду (включая меховую рубашку, одевавшуюся на голое тело), которая надёжно

предохраняла их от холода. Очевидно, что для этого были необходимы иголки с ушками. В качестве иллюстрации влияния холода на первобытного человека И. Гиллиген приводит отсутствие последних фаланг пальцев на отпечатках ладоней в ряде пещер Европы, связывая это с отмораживанием (с. 93–94).

Показательным примером изготовления простой одежды с помощью скребков являются неандертальцы, которые, по мнению автора, вымерли около 40 тыс. л. н. (с. 100). Другим примером изготовления только простой одежды являются аборигены о. Тасмания времени палеолита, по физическому типу принадлежавшие к анатомически современному человеку (*Homo sapiens*). Они использовали не только скребки, но и костяные проколки; однако последние были нужны лишь для того, чтобы сшить воедино шкуры небольших сумчатых животных (валлаби), обитавших на острове и добывавшихся людьми. Каменные пластины были неизвестны древним тасманийцам, и они не могли изготавливать сложную одежду. Возможно, что у них не было в этом потребности, поскольку тасманийцы были более адаптированы к холоду, чем аборигены материковой Австралии (с. 109).

Автор приводит простую классификацию одежды в историческом развитии: простые формы в среднем палеолите, начиная примерно с 300–400 тыс. л. н.; сложные — в верхнем палеолите, начиная с 75 тыс. л. н. в Южной Африке и около 40 тыс. л. н. в Европе и Азии; появление плетёных изделий — мезолит, около 11 тыс. л. н.; производство тканей (текстиля) — неолит, около 9 тыс. л. н. (с. 111–116).

В третьем разделе (главы 9–13) речь идёт о развитии технологий изготовления одежды в послеледниковое время, начиная примерно с 12 тыс. л. н. (эпоха мезолита), в различных регионах Земли. Принципиальным отличием мезолита — неолита от палеолита в плане одежды является начало изготовления тканых и плетёных предметов. Самые ранние прямые свидетельства ткачества — находки плетёных и тканых изделий, из которых могла быть изготовлена одежда, — известны в Южной Америке около 11 100–12 000 л. н., на Ближнем Востоке — около 9000–11 200 л. н. (на с. 128 указана дата около 9000 л. н., но это некалиброванный ¹⁴C возраст), в Восточной Азии — около 8500–9200 л. н.

Автор высказывает на первый взгляд радикальную идею о том, что возникновение земледелия не было связано ни с увеличением населения и потребностью в обильной и постоянно доступной пище, ни с другими предполагаемыми большинством археологов и антропологов причинами (с. 130–144). По его мнению, наиболее важным было то, что появились домашние животные, которые давали шерсть для изготовления ткани (с. 135) и которых необходимо было обеспечивать кормом. Продолжая эту тему, автор приводит список основных domestikатов (приложение, с. 219–220), датированных ранним голоценом (8300–11 500 л. н.). Из растений для производства текстиля наиболее важны следующие: лён, хлопок, сизаль, шелковичное дерево, конопля, китайская крапива (англ. ramie; лат. *Boehmeria nivea*), джут, банан; в качестве пищи для животных, дающих шерсть, использовались пшеница, ячмень, рожь, бобовые, чумиза и просо, соя. Из домашних животных для изготовления тканей основной интерес представляют: овца, коза, лама, шелковичный червь; в меньшей степени — корова и морская свинка. Подчёркивается, что многие из этих растений и животных появляются одновременно, особенно на Ближнем Востоке (с. 147). Также упоминается о том, что часто земледельческие продукты служили сразу для нескольких целей (еда, сырьё для текстиля; см. с. 197).

В археологических материалах начало производства тканей может быть выявлено по присутствию пряслиц, которые появляются на Ближнем Востоке около 8000 л. н. (с. 148). Очевидно, что нити из растительных и животных волокон могли изготавливаться и без каких-либо приспособлений. Видимо, так обрабатывалось льняное волокно около 9000 л. н., а возможно, что и ранее (с. 152).

В главе 11 (с. 154–155) автор высказывает свой ключевой тезис — изменения климата (потепление в послеледниковое время, около 11700 л. н.), зарождение земледелия и скотоводства и появление текстильных изделий происходят в ряде регионов Земли (прежде всего, на Ближнем Востоке) одновременно. Таким образом, domestикация и производство текстиля есть две стороны одного исторического процесса. Несмотря на некоторую провокационность этого вывода, автор приводит развёрнутую аргументацию по данной проблеме.

В четвёртом разделе (главы 14–15) речь идёт о процессе увеличения населения в неолите (т. е. после появления земледелия). По мнению автора книги, рост населения заставил людей выращивать культурные злаки и заводить домашних животных. Первоначальным стимулом земледелия была необходимость в сырье для производства одежды и лишь затем — получение запасов пищи (с. 197). Сходные мысли высказываются в отношении происхождения осёдлости (с. 201–205).

Что касается времени появления керамики — около 20 тыс. л. н. — автор принимает точку зрения группы исследователей из Китая и США (см. Wu et al. 2012) и соотносит этот феномен с концом ледниковой эпохи. Хочу отметить, что вывод о столь древнем возрасте керамики страдает серьёзными недостатками (см., например: Kuzmin 2017), а возникновение керамики относится уже ко времени после максимума последнего оледенения, около 16–18 тыс. л. н.

В пятом разделе (главы 16–17) подводятся итоги исследования. Земледелие, осёдлость и одежда являются, по мнению автора, звеньями процесса изоляции человека от окружающей среды, что привело в конце концов к появлению цивилизации (с. 216–217).

В монографии И. Гиллигэна представлен всеобъемлющий анализ проблемы происхождения одежды, рассмотрены её теоретические аспекты, дана полезная и представительная сводка фактического материала. Список литературы включает не только базовые источники, но и самые свежие публикации по этой теме в археологии, антропологии, биологии и медицине (автор по основному образованию — практикующий доктор). Книга будет интересна и полезна как для археологов, так и для специалистов, работающих в смежных областях науки.

Литература

- Аникович М. В. 2005. О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района. *Археология, этнография и антропология Евразии* 3, 70–86.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Павленок Г. Д., Белоусова Н. Е. 2016. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок в 2016 году). В: Деревянко А. П., Молодин В. И. (ред.). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Том XXII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 72–75.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю. 2019. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь. *Stratum plus* 1, 157–224.

- Рогачев А. Н., Синицын А. А. 1982. Костенки 15 (Городцовская стоянка). В: Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований*. Л.: Наука, 162–171.
- d'Errico F., Doyon L., Zhang S., Baumann M., Lázničková-Galetová M., Gao X., Chen F., Zhang Y. 2018. The origin and evolution of sewing technologies in Eurasia and North America. *Journal of Human Evolution* 125, 71–86.
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Bronk Ramsey C., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Mafessoni F., Kozlikin M. B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R. G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. 2019. Age estimate for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature* 565, 640–644.
- Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E. 2010. The emergence of bone-working and ornamental art in the Caucasian Upper Palaeolithic. *Antiquity* 84, 299–320.
- Jacobs Z., Li B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Bolikhovskaya N. S., Agadjanian A. K., Uliyanov V. A., Vasiliev S. K., O'Gorman K., Derevianko A. P., Roberts R. G. 2019. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature* 565, 594–599.
- Keates S. G., Kuzmin Ya. V. 2015. Shuidonggou localities 1 and 2 in northern China: archaeology and chronology of the Initial Upper Palaeolithic in north-east Asia. *Antiquity* 89, 714–720.
- Kuzmin Ya. V. 2008. Siberia at the Last Glacial Maximum: environment and archaeology. *Journal of Archaeological Research* 16, 163–221.
- Kuzmin Ya. V. 2017. The origins of pottery in East Asia and neighboring regions: an analysis based on radiocarbon data. *Quaternary International* 441B, 29–35.
- Kuzmin Ya. V. 2019. The older, the better? On the radiocarbon dating of Upper Palaeolithic burials in Northern Eurasia and beyond. *Antiquity* 93, 1061–1071.
- Li F., Kuhn S. L., Bar-Yosef O., Chen F., Peng F., Gao X. 2019. History, chronology and techno-typology of the Upper Paleolithic sequence in the Shuidonggou area, northern China. *Journal of World Prehistory* 32, 111–141.
- Li F., Kuhn S. L., Gao X. 2015. A response to Keates and Kuzmin. *Antiquity* 89, 721–723.
- Song Y., Li X., Wu X., Kvavadze E., Goldberg P., Bar-Yosef O. 2016. Bone needle fragment in LGM from the Shizitan site (China): archaeological evidence and experimental study. *Quaternary International* 400, 140–148.
- Turner C. G. II, Ovodov N. D., Pavlova O. V. 2013. *Animal teeth and human tools: a taphonomic odyssey in Ice Age Siberia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wu X., Zhang C., Goldberg P., Cohen D., Pan Y., Arpin T., Bar-Yosef O. 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong cave, China. *Science* 336, 1696–1700.
- Zhang J.-F., Huang W.-W., Yuan B.-Y., Fu R.-Y., Zhou L.-P. 2010. Optically stimulated luminescence dating of cave deposits at the Xiaogushan prehistoric site, northeastern China. *Journal of Human Evolution* 59, 514–524.

References

- Anikovich M. V. 2005. O khronologii paleolita Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 3, 70–86 (in Russian).
- d'Errico F., Doyon L., Zhang S., Baumann M., Lázničková-Galetová M., Gao X., Chen F., Zhang Y. 2018. The origin and evolution of sewing technologies in Eurasia and North America. *Journal of Human Evolution* 125, 71–86.
- Derevianko A. P., Shun'kov M. V., Kozlikin M. B., Fedorchenko A. Iu., Pavlenok G. D., Belousova N. E. 2016. Kostianaia igla nachala verkhnego paleolita iz tsentral'nogo zala Denisovoi peshchery (po materialam raskopok v 2016 godu). In: Derevianko A. P., Molodin V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Tom XXII. Novosibirsk: "IAET SO RAN" Publ., 72–75 (in Russian).

- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Bronk Ramsey C., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Mafessoni F., Kozlikin M. B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R. G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. 2019. Age estimate for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature* 565, 640–644.
- Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E. 2010. The emergence of bone-working and ornamental art in the Caucasian Upper Palaeolithic. *Antiquity* 84, 299–320.
- Jacobs Z., Li B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Bolikhovskaya N. S., Agadjanian A. K., Uliyanov V. A., Vasiliev S. K., O’Gorman K., Derevianko A. P., Roberts R. G. 2019. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature* 565, 594–599.
- Keates S. G., Kuzmin Ya. V. 2015. Shuidonggou localities 1 and 2 in northern China: archaeology and chronology of the Initial Upper Palaeolithic in north-east Asia. *Antiquity* 89, 714–720.
- Kuzmin Ya. V. 2008. Siberia at the Last Glacial Maximum: environment and archaeology. *Journal of Archaeological Research* 16, 163–221.
- Kuzmin Ya. V. 2017. The origins of pottery in East Asia and neighboring regions: an analysis based on radiocarbon data. *Quaternary International* 441B, 29–35.
- Kuzmin Ya. V. 2019. The older, the better? On the radiocarbon dating of Upper Palaeolithic burials in Northern Eurasia and beyond. *Antiquity* 93, 1061–1071.
- Li F., Kuhn S. L., Gao X. 2015. A response to Keates and Kuzmin. *Antiquity* 89, 721–723.
- Li F., Kuhn S. L., Bar-Yosef O., Chen F., Peng F., Gao X. 2019. History, chronology and techno-typology of the Upper Paleolithic sequence in the Shuidonggou area, northern China. *Journal of World Prehistory* 32, 111–141.
- Pitulko V. V., Pavlova E. Iu. 2019. Verkhnepaleoliticheskoe shveinoe proizvodstvo na Yanskoi stoianke, Arkticheskaja Sibir’. *Stratum plus* 1, 157–224 (In Russian).
- Rogachev A. N., Sinitsyn A. A. 1982. Kostenki 15 (Gorodtsovskaya stoianka). In: Praslov N. D., Rogachev A. N. (eds.). *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona na Donu 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovanii*. L.: “Nauka” Publ., 162–171 (in Russian).
- Song Y., Li X., Wu X., Kvavadze E., Goldberg P., Bar-Yosef O. 2016. Bone needle fragment in LGM from the Shizitan site (China): archaeological evidence and experimental study. *Quaternary International* 400, 140–148.
- Turner C. G. II, Ovodov N. D., Pavlova O. V. 2013. *Animal teeth and human tools: a taphonomic odyssey in Ice Age Siberia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wu X., Zhang C., Goldberg P., Cohen D., Pan Y., Arpin T., Bar-Yosef O. 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong cave, China. *Science* 336, 1696–1700.
- Zhang J.-F., Huang W.-W., Yuan B.-Y., Fu R.-Y., Zhou L.-P. 2010. Optically stimulated luminescence dating of cave deposits at the Xiaogushan prehistoric site, northeastern China. *Journal of Human Evolution* 59, 514–524.